
II.

1. СЛОВЕСНОСТЬ.

О НАРОДНОСТИ ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ.

Разсужденіе, читанное въ торжественномъ со-
брании ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО
УНИВЕРСИТЕТА Ординарными Профессорами сего
Платинивъ, 31 Августа 1853 года.

Между безчисленными памятниками, свидѣтель-
ствующими отворческвъ человѣческаго духа, всѣхъ
разнообразиѣ и всѣхъ прочиѣ произведенія Сло-
весности. Съ тѣхъ поръ, какъ имъ усвоено суще-
ствованіе въ знакахъ видимыхъ, до нашего вре-
мени они могли сохранить неизмѣнно лѣ образы,
которые вѣрила имъ духовная дѣлательность чело-
вѣка. Надъ прахомъ предшествовавшихъ намъ по-
колѣй, еще прежде, нежели совершилась судьба
всего человѣчества, они уже въ нѣконоромъ смыслѣ
прообразующіи удѣль безсмертия. Понапы, зачѣмъ,
въ эпоху высшей образованности каждого почти
народа, наблюдавший умъ старается привести
къ совокупности разные способы, которыѣ про-
изведеніемъ Словесности доставляютъ испытанный
совершенства. Съ ними неразлучно убѣжденіе, что

Часть I.

1

въ ихъ характеристикѣ одно поколѣніе завѣщаешьъ другому вѣць лайны судебъ своихъ.

Въ числѣ главныхъ принадлежностей, которыхъ современники наши пребываютъ отъ произведеній Словесности, господствуетъ идея народности. Она представляеть собою особенность, необходимо соединяющуюся съ идеою каждого народа. Сколько же предметовъ должно войти въ ея совокупность! Черты, составляющія физіономію души нашей, предварительно были какъ спущи въ пломъ общеславѣ, которое воспішало наши спрасы, въ шой природѣ, которая упоевала наши чувства, въ шой Религії, которая возвысила наши помыслы, въ шихъ обычаяхъ, которые освящены для наасъ давностью, въ шихъ предразсудкахъ, отъ которыхъ не спасаешь наасъ никакая Философія. Еще болѣе: одинъ и топль же народъ, въ разные періоды своей Исторіи, при содѣйствіи разныхъ причинъ, скрывающихся то въ Полипикѣ, то въ Морали, то въ ученыхъ мнѣніяхъ какого нибудь времени, являєтся съ безчисленнымъ множествомъ оштѣнковъ, которые всѣ принадлежатъ разсматриваемой идеѣ.

Въ звукахъ слова *народность* есть еще для слуха нашего чго-то свѣжее и, такъ сказать, необносившееся; есть чго-то, къ чему не успѣли мы сполько привыкнуть, какъ вообще къ терминамъ среднихъ вѣковъ. Не трудно впрочемъ убедиться, что новѣйшей Литературѣ принадлежитъ одно только это выраженіе, а самая идея современна древнѣйшимъ Писателямъ. Гдѣ больше народности, какъ въ произведеніяхъ Греческой Словесности? Отдѣлите отъ каждого изъ нихъ

частныя черты, принадлежащія характеру Сочиненія, силамъ его таланта, эпохѣ его жизни, возрасту его, сану и другимъ безчисленнымъ обстоятельствамъ, по которымъ оно дѣйствовало; отъдѣлище это все и разсматривайше въ сочиненіи одно главное, то, безъ чего духъ человѣческій не можетъ творить; разсматривайше въ немъ порознь человѣка, общество, Природу и дѣйствія Высшей Силы: для васъ исчезаетъ пестрота книжныхъ названій; все сольется въ одну идею древней Греціи. Въ самомъ дѣлѣ, если ли, на примѣрь, какое нибудь существенное несходство между Гомеромъ и Аристофаномъ, Софокломъ и Фукидидомъ, Пиндаромъ и Феокриптомъ? Внимательному наблюдателю весь этотъ литературный хаосъ предстаетъ какъ единый образъ, опразвившійся въ нѣсколькихъ зеркалахъ, то въ большемъ, то въ меньшемъ видѣ, смолгра по ихъ объему, — образъ ясный, живой, блещущій выразительностью и исполненіемъ. Передъ вами беспрепятственно являются то миѳологическія лица, сіи спранныя созданія высокой Поэзіи и грубой чувственности, то историческія черты Греческихъ племенъ, то сцены жизни ихъ, колпорая развивалась и опровергала на шоржицахъ, колпорая питалась общественными волненіями и не постигала лучшихъ благъ: уединенного ирудя и любви семейственной, то наконецъ, торжественные ихъ игры, зло великолѣпное позорище, на колпоромъ воспѣвались вдохновеніе, гражданственность и самое чувство религиозное. Сіи главныя черты, съ безчисленнымъ множествомъ другихъ разныхъ оптическихъ существований

ванія нації, составляють основу твореній, до безкінечності разнообразнихъ, но въ любе время исполненныхъ единства, которое только и можетъ быть изъяснено идею народносци.

Выразительность характера составляетъ одно изъ самыхъ блестящихъ доскональствъ каждого предмета, даже въ физическомъ мірѣ. Ею означеноваля Природа только тѣ изъ своихъ произведений, ко-торыя полнымъ развитіемъ силь своихъ доско-гають главной цѣліи существованія и пакиимъ обра-зовъ все лучшее отъ своего бытія вносять въ общую гармонію Вселеной. Мы съ живостію раз-сматриваемъ ихъ какъ вѣнецъ творенія; ими по-знаемъ возможное здесь совершенство; мы изучаемъ судьбу ихъ, и по ней разлагаемъ свои догадки на удали прочихъ созданий. Тѣмъ привлекательне, шѣмъ поучительне созерцаніе спиріона и само-бытия развитія духовныхъ силъ цѣлой нації! Въ правдивомъ мірѣ сполько разнообразныхъ явлений, сполько шансовъ, къ покрову которыхъ мысль еще не прикоснулась, ч то его изученіе не пресыпшись самой долгой и самой неупомимой жизни. Оно сполько приблизитъ душу къ вѣдѣнію, преимущество ей принадлежащему, о котормъ одно счастливое гаданіе если уже вся человѣческая мудрость,—къ вѣдѣнію ея самой. Испорію каждого народа разрышаєтъ одинъ какой нибудь важный вопросъ о человѣчествѣ. Если бы можно было теперь уже дочинить осладильные части этого огромнаго творенія, котораго разрозненное начало, въ дѣл-ской суевіослп, мы осмысливаемся называть Все-мірною Испоріей: то душа наша мгновенно испол-

шилась бы пѣхъ лтайнъхъ силь, которыя нѣкогда должны возникнуть въ ней надъ прахомъ послѣднаго изъ жителей одряхлѣвшей планеты нашей.

Въ наицѣнее времія убѣдились законецы, что истинната, дѣйствительная Исторія народа есть его Литература, вся, исследованная во всѣхъ ея эпохахъ. Она вполнѣ разоблачаетъ жизнь, ясно свидѣтельствую о каждомъ покушеніи духа на беззаконій пущахъ его дѣянностіи, и опредѣляютъ каждую степень, которой онъ достигнуль. Создавая споль высокое дослѣдованіе въ рѣзкихъ терпахъ ея, любопытный умъ невольно влечется къ постиженію лтайнъ, разгаданной древними Греками, коихъ Словесность представила намъ первый и прекрасный образецъ народности. Исследование этого предмета требуетъ взорѣнія на всѣ споровы гражданской ихъ жизни и на ея отношеніе къ Литературѣ. Изъ Исторіи Грековъ видно, что они прошли всѣ степени гражданственности. Отъ состоянія самаго дикаго до послѣдней утонченности человѣка въ обществѣ; на этомъ долгомъ пути, они вспрѣли все, что ихъ вѣку предопределено было Высшемъ закономъ, такъ, что явленіе жизни ихъ есть образъ нелѣны. Преемничество идей, преобладавшихъ въ каждой эпохѣ ихъ Исторіи, послѣдовало свободно. Оно было непринужденъ возрастаюше нравственныхъ силъ человѣка, прѣпомъ души, который раскрывался естественно, въ следствіе времени и мѣста. Ни соревнованіе съ соѣдѣнными Державами, ни зависіи, ни страхъ не побуждали Грековъ къ пѣхъ неравнѣрвнымъ шагамъ, которые въ пупи оспа-

навмисливъ човѣка преждевременно. Ходъ ихъ жизни есть движение спройности. Все, чѣмъ удовлетворялись пребованія гражданскаго ихъ бытія, основывалось на свойствѣ духа народнаго. Онъ былъ и дѣйствовавшю и конечной причиной всѣхъ учрежденій, всѣхъ подвиговъ, всѣхъ памятниковъ существованія этой націи. Въ составѣ ея гражданскости ничто не входило случайно, ничто не прилагалось съ одной наружной стороны: пошому чѣмъ источникомъ общественныхъ и частныхъ начинаній было внутреннее чувство, свидѣлище души, во глубинѣ кошлага возникаетъ одно всеоживающее и нераздѣльное съ нашею сущностью. Устройство жизни Грековъ есть развитіе красны органической.

Если шаковы были спихіи, которые слились и, въ спранѣ прекрасной, въ центрѣ тогдашняго міра, образовали націю: чѣо удивительно ли, чѣо каждая часть этого цѣлого дышала гармоніею; чѣо во всей Вселенной не представлялось ей бытія, согласнѣе съ ея совершенствомъ, какъ на шумъ мѣстнѣ, гдѣ она почувствовала первую жизнь, какъ съ пѣмъ отношеніями и на пѣхъ уловіяхъ, кошѣрыми, казалось, жила уже сама душа прежде всякаго своего сознанія? Это какъ бы врожденное чувство наконецъ освѣтило въ Греціи мысль, чѣо для човѣка на землѣ нѣть выше назначенія, какъ содѣлаться прекраснымъ гражданиномъ; чѣо все его доспоянство заключается не только въ гражданскихъ доблестяхъ; чѣо вѣнѣ гражданства нѣть цѣли существованія. Въ храмахъ, въ академіяхъ, на щоржищахъ, въ судахъ, въ пѣаніяхъ, вездѣ проповѣ-

дывалась эпоха испытания; все было проникнуто ею, и жить, на плодотворицъ языкъ, значило дѣйствовать какъ бы что ни было, но дѣйствовать въ совокупности съ другими для блага и славы отечества. Слѣдствіемъ въ какомъ бы ишо сословіи ни родился, онъ съ дѣлами уже главное вливалъ одно со всѣми гражданами. Его чувства, его душа повсюду принимали лѣтъ впечатлѣнія, которыхъ должны были соединить лучшее доспояніе его жизни. Въ бѣдности, безъ пособій, не употребляя никакихъ усилій, только не отрываясь отъ общества, къ которому родился, обыкновеннымъ путь жизни онъ доходилъ до той же цѣли, къ которой все спремълись. Воспитавъ себя въ эпохѣ всенародной учительницы, удовлетворивъ первымъ, главнымъ непрѣбносимъ духа изъ общественной сокровищницы, содѣлавшиесь прежде всего головнымъ принять самъ гражданина, каждый добросовѣсно избиралъ себѣ покрище, безъ лицеевъ и сожалѣнія, потому что онъ появлялся естественному влечению патолита, повсюду видѣвъ шоварицей, которыхъ съ нимъ связывала равная любовь къ отечеству.

Люди, такимъ образомъ стоявшіе на разныхъ ступеняхъ гражданской дѣятельности, должны были различаться только формами своихъ произведений, вкусомъ въ ихъ опредѣлѣніи и другими начесами, зависящими частію отъ способности человека, а частію отъ орудій, которыми онъ дѣйствуетъ. Но все произведения сіи, при всемъ ихъ разнообразіи, обрабатывались изъ одного общаго матеріала, который повсюду носилъ съ собою каждый производитель. Во всю жизнь никто

изъ нихъ не разлучался въ душѣ съ идею своего общества, его физического и политического состоянія, законовъ его и учрежденій, Вѣры и Исторіи, характера націи и обычаевъ ея. Ольшо Греческіе Литераторы къ свои произведенія перенесли все, чи то только изъ ихъ міра могло принести словесный образъ. И такъ Литература въ Греціи двойственнѣльно была то же, чи то и самая жизнь, со-сущавляя только особенную ея форму, а не такое искусство, колораго практика ищетъ себѣ задачъ въ сущесвенностї, чи есть, въ жизни. Изъ этого между ними отноженія произошло, чи то къ созданію того вѣка есть испина, качествомъ многозначительное, соединяющее въ себѣ вѣроность каждой черты, единство идеи, выразительности образа, согласное движение частей, теплоту жизни, однимъ словомъ, все, чимъ Природа поставила свои произведенія такъ высоко надъ произведеніями рукъ человѣческихъ. Но чи то жь, какъ не народность, означаетъ сія испина, когда она господствуетъ во всѣхъ явленіяхъ умственной дѣятельности, порожденныхъ собственнымъ духомъ какой нибудь націи?

Говоря о Древніи, часто указываютъ на Словесность Грековъ и Римлянъ такъ точно, какъ бы въ это время предстаивались два сходныхъ предмета: до такой степени умъ привыкаешь сближать и самое разнородное, когда смотришь на него съ предубажденіемъ. Такъ называемый классический міръ создался для насъ въ иллюзорномъ смыслѣ родною музыкою: полному чи то все, чи то звучить въ немъ, все весело и наше дѣлописи.

Межу пять дослѣдованій непродолжительнаго вѣм-
манія, чиобы замѣтить, какъ одна половина лите-
го цѣлаго не гармонируетъ съ другою. Римъ да-
лъ воображенія и для ума предсказывается къ имен-
ни своемъ сполько самобытнаго, сколько величай-
го и искрии сверхъеслисвеннаго, жажда будуще-
бы къ картины жизни его надлежитъ созиѣдѣніи
съ судьбами даже другихъ націй, промелькнувшихъ
онъ часы своею наблюденія, когда совершился об-
ширный иругъ свой землю исподнѣй народовъ.
Казалось, къ идеѣ человѣчества онъ долженъ быть
прибавленъ сполько склону, что послѣ него Фило-
софія Грековъ подобна будешь мечтѣ юности.
Его Лишерануръ, по видимому, предопредѣлено
было явить изъ себя новый, колоссальный формы
сообщественное жизніе, образованіе изъ до-
высихъ естествъ. Но что же въ ней представлена?
Если ли въ самомъ дѣлѣ равенство между идеей
Рима и его Словесности? Тщетно будешь оки-
даніе изыскательнаго ума, когда онъ на свиданіи
высокопоставленій міра захочешь послушнуть еще не-
вѣдомое ему бытие народа и воскресишь его об-
разъ во всей полнотѣ. Гордый непреклонносѣ-
воми своей, ощущавшій въ минуты самыхъ искусств-
нельныхъ опасносостей, изобрѣтательный, полный
самочувствія, Гений Римлянъ, на воприцѣ Ли-
шерануры, предстанешь съ какою-либо рабкою осмо-
лирательностью, къ едкѣй вессоми сплющенной
его формой, съ заимствованными обо всемъ по-
нишими, которыя ислагаешь безъ довѣренности
къ своимъ силамъ, въ чужихъ краскахъ; обходишь
часто самые любопытныя черты, принадлежащи

собственю его жизни, и замытеть иль общими мыслями. Римской Апперажуръ недостаетъ народности.

Такимъ образомъ идея древняя и уже господствовавшая въ полной силѣ упразднила права свои надъ маланишами людей еще прежде великаго переворота, который послѣдовалъ наконецъ въ умственномъ и политическомъ мірѣ. Въ Греціи утвержденію ея содѣствовали такія причины, съ которыми связывалось благосостояніе націи. Опять чего же Словесность Римлянъ не могла пріобрѣсти народности, если и въ иль гражданственности распредѣло все доблестное, предопределеннное людьми въ общественномъ состояніи? Римъ, передавъ намъ свидѣнія свои, на которыхъ мы уже хладнокровно и зорко можемъ разсматривать всѣ спироны, всѣ направленія, всѣ степени его душевій сокровенныхъ, его силъ духовныхъ, Римъ передалъ намъ обличищелей, всенародно свидѣтельствующихъ, ч то въ его гражданственности не было всеобщности и внупренято развитія. Если бы онъ успѣлъ окончить образование своихъ общежительныхъ идей въ шесть видѣ, какъ онъ развивались въ наченіе первыхъ шаговъ стольшій: что въ нравственno – политическомъ, а слѣдовательно и въ диперашурномъ отношеніи, онъ положительнѣе дополнилъ бы Испорю совершенствованія человѣчества. Онъ вергнувъ или измѣнивъ собственныя свои начала, не успѣдался онъ наконецъ изъ устъ рабовъ заимствовать понятия о доспоменіяхъ лицъ и должностей ихъ, объ отношеніяхъ гражданъ между собою, объ употребле-

ніи сокровищъ, обь удовольствіяхъ общеславянскихъ и частныхъ, о властимельствахъ слова и высокости духа, обь источникахъ любомудрія и плодахъ упновченного вкуса.

Испошля силу самобытности своей надъ осуществлениемъ идеи всемірного самовластильства, Римъ преизбрегъ другія идеи; нераалучныя слуники гражданственности утилитарной и назидательной. Онь опданы были на произволъ вільности вышняго: и полному совокупности идѣ, сравнительно съ безграничнымъ его владычествомъ, предстали въ чисто неповсемірное, неравнобристое и неорганическое.

Если въ шакомъ Государствѣ, въ конюромъ, по духу всѣхъ древнихъ Державъ, начало умственной жизни сосправляло прямое пригоношеніе къ жизни гражданственной; если въ шакомъ Государствѣ, при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ для естественного развиція національнаго ума, не могла въ Липерашурѣ сохраниться народность: чи то жъ должно было произойти съ нею тогда, когда дышельность умственная и жизнь начали представлить собою два пути несоединяющіеся? Можно ли иначе выразиться, говоря о шомъ времени, когда всѣ умственныхъ доспоянствія, всю гражданскую образованность полагали въ изученіи грамматическихъ формъ языка, которыми посѣ не говорили, въ членіи книгъ о такихъ предметахъ, которыхъ въ жизни не встрѣчали, въ соверџаніи ислинъ, которыя оспавались навсегда безъ применения? Надъ міромъ силь Живопворящій Кресть; духъ свободно возносился къ Верховному Подаше-

лю чистаго сълта ; сердца людей согрѣхъ были неиспытываемыми прежде ощущеніями, и ужъ по-спѣшнѣй лгани, недослужный древнимъ мудрецамъ. Чѣмъ же извѣрилось въ Липерапуромъ мѣрѣ по-среди сихъ земель Воскресенія новой жизни? Самые первыя шашашаи невѣдомыхъ доселѣ думъ преоб-раженнаго ченоаика еще не въ соединеніи были въ народность облеканіе своихъ прогнозильныхъ по-вѣшиваній и убѣдишельныхъ наставленій : кроме дикихъ пустынъ и мрачныхъ подземелій, ни од-ной еще страны не называли они своимъ отече-ствомъ ; повсюду, гдѣ они возникали, господствова-ла враждебная имъ гражданскаяность Римская. Въ Палестинѣ и Греціи, въ Египтѣ и въ Испа-ніи, вездѣ скитались они, преслѣдуемые съ шакою же злобою , какъ и въ самомъ Римѣ. Когда же наступила Эпоха торжества ихъ и прозабенія но-выхъ Державъ; когда жизнь духовная изъ хаоса раз-векливала спрасшей, нравовъ, привычекъ, об-радовъ, правъ, суетѣй, норовъ, доблеостей нача-ла разлагаться и въ каждой землѣ принципиально спройное своеобразіе : когда празднество и су-мудріе (два порождения испытавшаго къ немощамъ языческаго міра) смѣшили съ чистыми сущіями заразительное свое дыханіе. Но среди юного об-щества, которое не освободилось еще отъ естѣ-спленного броженія, они, или справедливѣ сказали, хрецы ихъ захотѣли изъ себя образовать отдель-ное общество , въ конторомъ по видимому онили древніе софиопы. Для первого изъ сихъ идоловъ онѣоказались они оль того, чѣмъ одно даєть жизнь Липерапуръ, безъ чего душа не можетъ мыслить,

а Государство спасли свою организацію: они отпразднились ольвія языка современниковъ и предпочли ему языкъ исчезнувшаго и чуждаго имъ народа, не чувствую, чи то самое богоизбраниe и выразительность языка сего въ ихъ усещахъ были смыслины анахронизмомъ. Близшая избраннысцію и силою словъ, они къ видѣ мелькающихъ пѣней вызывали такія понятія, сужденія и образы, кошорые не принадлежали имъ гражданскіености, не осуществлялись ни для нихъ, ни для другихъ, и никому никакой не приносили пользы. Наслаждаясь всѣми удовольствіями общественной жизни, новые софисты упражняли одну изъ лучшихъ способностей общечеловѣческаго человѣка такими предметами, кошорые къ ихъ времи были праздными звуками. Здѣсь положено было начало характеристической черти, отличающей древній гражданскій бытъ ольвія новаго. При всей любви нашей къ ольвію, не смущая самой робкой совѣсти, мы торжественно головимъ душъ запасъ на жизнь, изъ котораго ольвію ничего себѣ не можетъ взять, тогда, какъ у древнихъ, особенно у Грековъ, мысль частнаго человѣка не могла остановиться на иномъ, чи то было безъ отношенія къ гражданскому долгу. Праздніе слово магло бы исчезнуть при своемъ появлѣніи; но око было, такъ сказать, освѣщено суемудріемъ. Европейцы, прежде нежели укрылись опыты на пути новой жизни, прежде нежели обнѣли ея многосторонніость, прежде нежели соспавши идею о ея существѣ, по естественному любопытству заглянули въ храмъ древней Лишераппурь. Тамъ къ изумленію своему они уви-

дѣли жизнь въ другихъ краскахъ, съ другимъ выражениемъ, въ другомъ свѣтѣ. Вмѣсто того, чтобы воспользоваться новыми свѣдѣніями и ускорить приближеніе души своей къ плому совершенству, которое заключающееся въ зрѣлости ея собственныхъ понятий, они вадумали искоренять ихъ, посыпал въ душѣ все шелько заимствованное. На сихъ началахъ утверждено было и воспитаніе, которое уже не могло сосставлять введенія въ жизнь, но было само по себѣ опредѣльною жизнью, съ прекращенiemъ которой все прежнее умирало для человѣка, и онъ снова, какъ младенецъ, вспыхивал въ общество, не зная ни языка его, ни нуждъ, ни отношеній, ни правъ своихъ, ни обязанностей.

Въ слѣдствіе первоначального ошибочного взгляда на попрѣбности духа, самыя Науки возвѣшаны были въ пломъ направлениіи и въ пѣхъ спраныхъ для нась формахъ, которые зависѣли отъ особенностей жизни древнихъ. Въ одно и то же время съ одной стороны Христіанская Религія учила лорызы спраслѣй, поселяла человѣкобудіе, кроплюсть, проповѣдывала смиренномудріе, уваженіе къ законнымъ Власіямъ, связывала сердца всѣхъ свалынею взаимнаго вспомоществованія и сосправданільносши; съ другой стороны въ то же общество прокрадывались древніе законы, системы языческихъ Феологовъ и Политиковъ, изспущенные чувствованіемъ полудикихъ республиканцевъ. Чѣмъ было усилемъ, неизбѣжною жертвою въ одномъ вѣкѣ, то въ осѣпленіи принимали въ другомъ добровольно. Языкъ, усвоенный распроспранителемъ просвѣщенія сего, не принадлежа осіальной части

ихъ современниковъ, не осыпалась въ движениі общежитиеносли, не обогащалась по потребованіямъ вдохновицельныхъ нуждъ, платоша въ спранной своей одеждѣ, копорую по временамъ пестрили сплошь грубыми красками, чѣмъ самая наружность всѣхъ оль него отдалаля. Разногласіе между дѣйствицельною жизнію и направлениемъ умственной дѣятельности до плакой степени поражало людей, споявшихъ въ круга ученосли, чѣмъ однимъ сплошь соблазномъ вещественныхъ выгодъ и гражданскихъ преимуществъ можно было переманивать ихъ за черту, лежавшую между прозелишами и профанаціи. Тогда, посреди благоустроенныхъ Государствъ, возникли общеспіва, для поддержанія которыхъ по требовались новые законы: имъ предоставлены были особенные права и льготы; на нихъ не простирался общій установъ благочинія; ихъ опьяненіе ограничили выполненіемъ извѣстныхъ формъ, которыхъ въ послѣдствіи времени содѣлались душою всѣхъ дѣйствій.

Какая пестрота, какое разногласіе, сколько не сообразносостей и пропливорѣчій должно было явиться въ Липературѣ новѣйшихъ народовъ, когда всѣ начали духовной ихъ жизни шакъ мало спремились къ единству и спройносли! Можно ли было ожидать въ ней отраженія тѣхъ явлений, изъ совокупносли которыхъ образуелись ясная и полная идея какого нибудь Государства, если предметы его умственной дѣятельности и самое орудіе мысли едва извѣстны были Писателямъ? Къ счастію, такое направление духа было всеобщимъ не безъ исключенія. Люди, знакомые королю съ дѣйстви-

щельного жизню и въ ранней дѣятельности привязавшіеся ко всему, чѣмъ ихъ окружая привѣтствовало, люди, коихъ душа, по необыкновенной воспріемлемости каждого звука, образа, формы, оживленныхъ свѣжею мыслю или чувствомъ, наполнялась ими до избышка, сіи люди въ литературныхъ произведеніяхъ своихъ возражали идею народности. Не подражая Древнимъ ни въ выборѣ матеріаловъ, ни въ ихъ изложеніи, ни въ определѣніи, на бѣдномъ и неочищеннѣмъ своемъ нарѣчіи они съ прогадельнымъ добродушиемъ приносили первыя жертивы ума и вкуса своему отечеству, своей природѣ, своей гражданственности. Это начало во всемъ соотвѣтствовало происхожденію древней Греческой Литературы. Въ прослыхъ и безъискусственныхъ сказаніяхъ того времени, въ Повѣстяхъ, Пѣсняхъ, Балладахъ, Романсахъ, Сонетахъ, вездѣ является тогдашняя жизнь со всѣми ея особенностями, повѣрьями, мечтами, чудесносностью и неиспощимымъ запасомъ приключений.

Нѣсколько сполѣтій оба направленія сіи высказывались въ Европѣ. На каждой споронѣ, какъ и во всѣхъ спорахъ, явились и мощные и безсильные защищники. Но въ формахъ первоначальнаго образования духовной жизни, сихъ созданіяхъ безопечной любви ко всему древнему, сполько поддерживалось единство и незыблемости, чѣмъ заимствованное въ школѣ если не всегда преобладало надъ пріобрѣтаемымъ въ жизни, по крайней мѣрѣ безпресланныо съ нимъ перемѣнивалось. Какъ ихъ начала были совершенно разтородны, по эпо-

му и въ произведеніяхъ тогдашней Словесности не было не замѣтить чего-то пропагандистскаго. Въ знакомъ образѣ воздвигся Даніль, величайшій изъ всѣхъ Літераторовъ Христіанской Европы. Въ послѣдствіи времени, умами Европейцевъ овладѣли такія событія, отъ которыхъ чувство народности по необходимости должно было охладиться еще замѣтнѣе. Насступила эпоха перемѣщений, правда не столь опускавшейся, какими открывается позорище Средней Испоріи, но пѣмъ не менѣе опасныхъ для единодушія каждой націи. Безвозвратное отбытие множества Европейскихъ семействъ по въ Восточную, по въ Западную Индію разрывало связи самыя древнія и самыя священные. Разногласіе религіозныхъ мнѣній, произведшее на Западѣ великій Расколъ, породило неперпимость, новую виновницу переселеній, на которыхъ начинали уже смотрѣть какъ на блескнцій успѣхъ ума и общежитія. Расчетъ подавилъ чувство. Тогда явились проповѣдники Космополитизма. Они головы были весь родъ человѣческой облѣчъ въ свою беспричинную одежду, концерпъ языковъ замѣнивъ односпрунными звуками и сообщивъ сердцу холодность камня.

Европейскія Государства, искушенныя тяжкими и долголѣтними страданіями, убѣдились наконецъ, что суетудре есть Вавилонскій столъ, и каждое изъ нихъ, подобно древнимъ онъмъ каменосѣщцамъ, въ своеѣ кругу спѣшилъ воспользоваться посланнымъ ему отъ Бога даромъ. Пробужденіе чувства народности возвращаєтъ гра-

жданъ на плодъ нулиъ, который указанъ Промысломъ именемъ ихъ умственной дѣятельности. Чтобы пройти по немъ съ доскональствомъ, и показать образомъ исполнить волю Пославшаго ихъ, они все свое подвергаютъ изучению и ревносию ведунъ къ совершенству. Волъ чи то успремъ имъ Европейскіе народы во смилиище Испоріи, единственный сокровищница необходимыхъ исть благъ. Тамъ они познають весь ходъ гражданственности своей, и олипуда извлекаютъ изъ первообразы, по которымъ начала одушевляться холодая ихъ физіономія. У Грековъ жизнь насклонна образовала народность въ Липералпурѣ; новѣйшии народы ею обізаны будуть жизни прошедшій.

Между вышними Державами Европы Отечество наше занимаетъ съмь высокую степень въ политическомъ олимпіоніи, чи то судьба разныхъ народовъ многое сказано съ его умственнымъ направлениемъ. Испорія Липералпурѣ нашей якъ многосложна и такъ своеобразна, чи то изъ общихъ замѣчаній о явлениикъ Европейской народности не всѣ къ ней могутъ быть примѣнены. Въ эту роковую эпоху, когда начинавшая ученоство попрала отечественный языкъ и на нѣсколько вѣковъ отдала его восстаніе, изъ Христіанскихъ Державъ одна Россія какъ съдникою сохранила это драгоценное свое доскональство уже прямо повело ее же народности въ Липералпурѣ. Въ юномъ Государоппѣ возникали первыи идеи о каждомъ предметѣ общежитія, развиивались способности къ совершенствованію промышлености и удовольствій акуса; Религія озарала ду-

ишу и смягчала нравы. Сподъяко новыхъ подвиговъ ума не погребалось въ безднѣ звуковъ, необразованныхъ по симъ понятіямъ и совершенно чуждыхъ для націи: напротивъ у наць умъ и языкъ были граждане одной и той же страны; изъ возрасла въ возрасль они переходили вмѣстъ; являясь въ самыхъ еще раннихъ опытахъ Словесности, они уже должны были привлекать къ себѣ вниманіе новою подобного сочетанія и особенностю духовной жизни, которую представляли.

Даже по шогдашнимъ олинощеніямъ нашимъ неизбѣжное влияніе Византийцевъ не сполько вредило народности нашей, сколько на Западѣ владычество шакъ называемой Классической Литературы. Извѣстно, до какой степени перемѣняются духъ и краски мыслей, когда ихъ принимаетъ въ свое распоряженіе другой народъ, движимый собственными спраспами и предпочитающей всѣмъ собственное нарѣчіе. Кроме языка, сколько еще другихъ обстоятельствъ, кошорымъ первоначально шаккѣ содѣствовали утвержденію народности въ нашей Словесности. Въ первое время мы соединились въ одно Государство съ шакими племенами, изъ которыхъ ни одно не превосходило насъ успѣхами разума, и по эшому ни одно не въ сословіи было чѣмъ нибудь увлечь за собою господствующей народъ, кошорый для всѣхъ служилъ обращеніемъ жизни домашней и общественной. Россія не приняла беволичепно гражданскихъ законъ ни древнихъ обладателей міра, ни новыхъ богатырей Сѣвера. Она посчитала, что самая лучшая система чуждыхъ законовъ не предохран-

и явлеть Государство отъ безпорядковъ, и чго ис-
пинно благодѣтельные законы рождаются посреди
собственныхъ нуждъ и опыта. Самоспособельно-
сти ея благопріяспивовали и первыя всѣрѣчи съ
непріяспелыми: ее сполько разъ сопровождало сча-
стие въ воинскихъ предпріяспияхъ, чго все совер-
шенное она привыкла воображать только въ соб-
ственномъ гражданстве.

Умсленная жизнь народа, предшавляющая въ
Испориѣ своей періодъ такої независимости и
такого согласія съ общими повяспіями о лучшемъ
развитіи духа, должна и Лішерапуръ передать
этотъ образъ. Онъ въ ней и быль вѣкогда. Но
литературные памятники тѣхъ сполѣшій, от-
крытыя нами, подобны опломкамъ спасши. Смо-
лѣя на нихъ, не можемъ мы не чувствовать, какъ
прекрасно было цѣлое, а полнаго совершенства до
тѣхъ поръ не постигнемъ, пока счастливый слу-
чай не соединитъ для насъ всѣхъ его частей.

Могущество самобытного духа, когда онъ сво-
имъ присуществиемъ оживить первые успѣхи граж-
данственности, споль власпышельно, чго народ-
ность не можетъ совершенно исчезнуть въ ней
при самыхъ уклоненіяхъ умсленной дѣятельности
отъ первого пути. Много было проишествій,
которыя въ послѣдствіи времени прошиводѣ-
ствовали направленію первобытной нашей Сло-
весности. Ихъ исчисленіе представлялъ карти-
ну всѣхъ политическихъ бѣдствій Отечества. Ни
характеръ народа, ни его обыкновенный бытъ,
ни языкъ самый не остались безъ измѣненія и
чуждаго влиянія. Но посреди сихъ разрушитель-

имъ явленій, запечатленій въ сердцѣ націи, прожила еще илько сполѣшій своеобразная Русская дума, которой возрѣнія на жизнь и Природу, которой краски и лѣни, звуки и формы ихъ высказывались то въ назидательномъ поученіи, то въ просподушной лѣтописи, то въ любопытномъ описаніи пурпуреславія, то въ аллегорической сказкѣ, то въ народныхъ пѣсняхъ, дышащихъ иною ишиной, которая соспавляла верхъ совершенства въ произведеніяхъ человѣка.

Самостоятельность духовной жизни нашей, непобѣженная политическимъ уничтоженіемъ Государства, не могла защищить своей независимости промывъ искушеній атеучености. Подобно западнымъ Европейцамъ, и мы разъединили жизнь мышленія отъ жизни гражданственной. Въ Лишерашурѣ начало преобладаніе спремлениѣ къ разрѣшенію вопросовъ, занимавшихъ виѣ круга общежитія нашего. Оправдывали вниманіе отъ предмѣтовъ, близкайшихъ къ намъ и соспавляющихъ индивидуальность націи, мало по малу мы теряли наследственныя привычки, а съ ними собственныій образъ представлений и мыслей. Произведенія Словесности не являлись какъ ополоски ишиныхъ чувствованій или картины дѣйствительной жизни, но какъ образчики древнихъ формъ, въ познаніи которыхъ сослона главная цѣль ученія. Чтобы облегчить производство сикъ шрудовъ, самые идеи для сочиненій почерпались изъ гражданственности Древнихъ. Такимъ образомъ область Лишерашуры подобна была особенной части Государства, въ которой прочие граждане

напрасно бы счиали искать своего устройства, своего порядка, своихъ обыкновеній и своего языка. Безпрепятно преслѣдуя воображеніемъ одно заимствованное, Писатели, употребляя даже общенонародный языкъ, такое сообщали ему принужденное движение и такими спранными наполняли его терминами, что онъ для нихъ только и былъ роднымъ языкомъ.

Въ то время, какъ Литература и жизнь, по несходству характеровъ своихъ, находились въ шакомъ между собою раздѣленіи, Науки, водворенные въ Россіи гениемъ ПЕТРА Великаго, начинали совершенствовать общежитіе. Особенно граждане высшаго класса не могли не чувствовать выгодъ, которыя доставляла образованность. Пріобрѣніе почестей на службѣ, блестящихъ успѣховъ въ обществѣ, довольства и независимости въ частной жизни видимо соединяло съ просвѣщеніемъ. Если бы, изслѣдованиемъ и обработываніемъ Наукъ по разнымъ частямъ, Русскіе занимались тогда сами: можетъ быть, они предупредили бы одно изъ обстоятельствъ, самыхъ неблагопріятныхъ для народности въ нашей Литературѣ. Они бы къ жизни лучшаго сословія могли привлечь все, чѣмъ питаются, возрастаютъ и красятся Литература; они бы сросли съ нею разнородныя и полезныя знанія. Приводя въ обширное обращеніе столько идей новыхъ, увлекающихъ, они воспитали бы еще неиздомую намъ, прекрасную Литературу, которая обнимала бы и блескящіе успѣхи ума всего человѣчества и всю частную красоту нашей жизни. Но къ удивленію, въ тогдашнее время, изъ Рус-

скіль, въполномъ значеніи ученый человѣкъ бытъ однѣмъ только Ломоносовъ. И такъ первоначальное развишие знаній въ общеспівѣ, коиморое уже не хотѣло описывать опь своего вѣка, совершилось у насъ на чужомъ языѣ. Въ эпохѣ способа умствен-наго образованія не только не чувствовали ничего предосудительного, но еще находили особенную выгоду: пріобрѣтая часть необходимыхъ познаній, довершали изученіе чужеспраннаго языка. Обыкно-веніе передаєліся въ гражданспівѣ съ одной спу-ни на другую. На самой низшей изъ нихъ вмѣсто существенности довольствовуються формою. Вско-рѣ, что только могло учиться въ Россії, все спа-ло мучіться одной жаждой: знать языкъ иностранный, безъ всякой цѣли, безъ всякой нужды. Жи-вой чужеземный языкъ, когда онъ заступаешь во всѣй націи мѣшо опечеспеннаго, не только одна-жды вноситъ съ собою цѣлый духовный міръ въ сердце, въ умъ, въ характеръ и нравы людей, его усвоившихъ, но безпрестанно сообщаетъ имъ ка-ждое новое движение души своего народа.

Въ Россії можно было отличить тогда при особыхъ направлениія духа. Многіе жили еще въ гражданспіенности своей, посвящая ученые прруды созерцанію древняго міра и распространяя господ-ство его красоты. Болѣе знакомые съ жизнью и принадлежавшіе обществу, по различію вкусовъ, дѣлились на два класса. Одни (самая многочисленная часть общеспіва) сославши ополосокъ все-го чужеспраннаго; ихъ честолюбіе ограничивалось успѣхами подражавія преимущественно Француз-скимъ Писателямъ. Другіе, по какому-то еще не

оспывшему чувству народности, научали разныи эпохи Русского быща, или въ современныхъ его чертахъ искали пищи своимъ шалашамъ. Независимость ихъ вкуса посреди двухъ школъ, сильныхъ безчисленности послѣдователей и давноснью владычества, особенно упрощавшая для наблюдателя, какъ подтверждение той исповѣди, что народность видимо пробуждающаяся, когда человѣкъ на гражданское свое назначеніе смотрѣть какъ на важнейшій предметъ въ жизни. Въ заглавіи сихъ избранныхъ словою и нашою любовію начертано имя Екатерины II. Ни воспіваніе, ни духъ юга, ни могущество иѣлѣорыхъ умовъ, чистыхъ и лѣзвійныхъ Ею, ни самое обольщеніе языка, бывшаго любимымъ орудіемъ глубокихъ и вмѣстѣ блескящихъ Ея мыслей, и, можетъ быть, преимущество Ею распространеннаго у насъ, ничто не могло ослабить посвященнаго Ея спремлѣнія къ воззванию Русского духа на всѣ поприща гражданственности нашей. Какъ же убѣдилась Она, что Ея умъ и сердце гонялся не за обманчивою мечтою? На шемиомъ ли предчувствіи, или на точныхъ выводахъ основалась Она въ свою предпріятіи? Принципальный умъ Ея предупредилъ наше вѣрованіе въ Испорію. Она уже тогда со всею любовію гениальной души своей предалась полному изученію всѣхъ эпохъ, всѣхъ споровъ, всѣхъ частей эпохъ необыкновенной Державы, которой нравственныи и физическіи силы она должна была привесити въ спройное движеніе. Ежедневное занятие Испорію новаго Ея опечествла вывело Ее изъ круга современниковъ, вознесло надъ предразсудками и связало Ея жребій

со зреиємъ народа, который для судей, споявшихъ въ Ея сферы, былъ еще предметомъ шутокъ, а Ея надежды созданіемъ пылкаго воображенія. Но съ какимъ блескомъ оправдались сіи надежды! Быть ли хоня одинъ гражданскій пушъ, по которому бы въ Ея Державѣ, еще при жизни Ея, не прошелъ великий человѣкъ въ той поразительной красопѣ, каждую сообщающую народность? Политическая Испорія уже хранила подвиги своихъ Героевъ, принадлежащихъ эпоху знаменитому времени, и для насть имена самыхъ пошомковъ ихъ звучали еще славою или надеждами. Въ сонмѣ отличныхъ гражданъ, съыплюю мыслю поспитнувшихъ призваніе свое и устремившихся къ той же прекрасной цѣли, которую избралъ прозорливый умъ Монархии, Испорія Лишерашуры съ гордостью указала и на своихъ Героевъ. Какой Суворовъ не назвалъ бы Державина брашомъ своимъ по славѣ? Волѣ, волѣть и исполины, которыхъ духовная дѣятельность вполнѣ равна идеѣ Русскаго народа. Гдѣ изучилъ пѣвецъ Фелицы свое искусство? Оликуда онъ извлекъ эпопѣ неслыханный, но понятный всѣмъ языкъ? Гдѣ источникъ всеумѣжающей рѣки его воспорговъ? Кто начерталъ размѣръ его картины? По чьимъ слѣдамъ бросаль онъ гигантскіе шаги своихъ идей? Въ немъ все шакъ могущественно, шакъ спремително, шакъ ново и неурѣвнено, шакъ безгранично, какъ сама Россія. Ея уроками онъ воспишаль себя и превратилъ ее въ кумиръ для храма своей Поззи. Другаго рода шаланти, умъ практической, дальновидный, рѣзкой, наблюданіемъ нравовъ посподиний и счастливой, человѣкъ съ благороднымъ, пылкимъ

характеромъ, современникъ Державина, подобно ему исполненный своеобразія, Фонвизинъ дѣйствовалъ въ томъ же разрядѣ, которому обязаны мы возрождениемъ народности въ Лиллерашурѣ нашей.

Если въ эпохи еще мало было Писателей, блестившихъ свѣтлыми национальными красками, по крайней мѣрѣ тогда началось пригопование необходимыхъ для нихъ материаловъ. Дѣйствовали на эпоху поприще увлекающаго побужденіемъ, одинаковымъ съ первыми: слѣдовашельно ихъ прруды не менѣе замѣчательны. Со времени открытия и изданія драгоценныхъ памятниковъ древнейшей Словесности нашей измѣнились прежнія понятия объ умственной жизни предковъ нашихъ, и черты народности пріобрѣли какъ бы иѣкоторую осознательность. Въ продолжительныхъ, пытсчныхъ, но вѣснѣ споле полезныхъ занятий Графа Мусина-Пушкина или Новикова есть прогаительное самоотверженіе, взглядъ вышій на гражданскій обязанностіи. Понимая нынѣ, какъ всеобщина должна быть Испорія, мы чувствуемъ, что безъ нихъ предварительныхъ подвиговъ не могла бы вдругъ сдѣлаться для насъ удовлетворительной Испорія Отечества. Но и на нихъ падалъ дуть вдохновительного ума Великой Жены. Она первая въ Россіи пожелала увидѣть собраніе нашихъ дѣяний и другихъ пособій для сосѣщанія Испоріи. Въ запомъ отпищеніи Ей мы обязаны еще большими. При Екатеринѣ II былъ въ Россіи Шлѣцеръ, мужъ правды и любви, первый въ ученомъ свѣтѣ благовѣститель нашего Отечества. Онъ съ такою спрашію доискивался истинами, и открылъ, съ такамъ

восторгомъ передавалъ ее, чѣмъ членіе Нескора
его воспѣвалило цѣлое поколѣніе Русскихъ къ за-
нишь имъ отечественію Испорію. Быть сперва
чуждъ намъ по всему, онь, по прибытии сюда,
сочетался, шакъ сказать, съ вѣю спраною,
научилъ ея древній и новый языкъ, прочелъ всѣ
ея лѣтописи, душой притѣпился къ ея народно-
сии, и возвращаясь въ Германію, до смерти не
измѣнилъ юношеской своей спрасли.

И шакъ идея, которой вѣкогда была преиму-
ществомъ нашимъ передъ другими новѣйшими на-
родами, идея, которую осуществляютъ нынѣ всѣ
лучшіе панахы въ образованійшикъ Государ-
ствахъ Европы, занимала уже многіе между нами
умы въ прошедшемъ сполѣнії. Самочувствіе воскре-
сило ее въ душахъ людей, которые сполько благо-
говѣли къ своимъ обязанностямъ, чѣмъ лучшіе свои
помыслы посвящали Отечеству. Въ нынѣшнемъ
сполѣніи еще разнороднѣе содѣмались изысканія
въ отношеніи къ нашему гражданству. Въ Испо-
ріи мысли нашей и ея проявленія, къ чѣму не
спремимся, чего не желаль прояснить доспойный
сынъ Героя Задунайскаго, обратившій домъ свой
во храмъ отечественныхъ Музъ, котораго самая
надпись: „на благое просвѣщеніе“ служила для
насъ заключомъ назидательнымъ. Если только чье
нибудь помышленіеклонилося на путь народной
славы, никого не отчуждалъ сей благодушный
Вельможа ольгъ своей поучительной бесѣды и bla-
городнаго вспомоществованія, былъ ли то Испо-
рикъ или Мореходецъ, Поэтъ или Антикварій, Гео-
графъ или Художникъ, Грамматикъ или Законовѣ-

дець. Наблюдая современные намъ явленія въ Русской Липшицерапурѣ, убѣждаемся, что благіе подвиги сіи были не безплодны; что если дѣйствовавшіи въ каждой оправили знаній, и что ихъ труды успремлены къ возвышенню нравственного достоинства нашего. Съ чувствомъ народной гордости мы произносимъ имена двухъ Липшицерапоръ, дѣйствовавшихъ на размашиваемъ нами поприще преимущественно въ славное царствованіе АЛЕКСАНДРА I. Для одного изъ нихъ, по выражению Поэта, уже настало пошомство; другой, кумиръ всѣхъ возрастовъ, поучался самъ къ изслѣдованію Русского духа, еще поучаетъ и настъ, ходя къ сожалѣнію довольно рѣдко. Сколько ни разнородны ихъ творенія; но они сославшися одно на другое, полную картину Россіи, вѣрую Испорю ея умственной жизни. Одинъ изъ нихъ, окружася неподкупными свидѣтелями нашихъ дѣяній, шемыхъ и гласныхъ, доблестныхъ и постыдныхъ, прошелъ съ ними разные периоды существования нашего, и душою своей вкусивъ шакъ сказать бышіе каждой эпохи, воскресилъ для настъ испинный образъ Руси, навѣялъ на настъ ея дыханіе, породилъ опять служъ нашъ съ прошлого, исконно однозвучною, но чистою и свободною музикою языка ея, взволновалъ сердце наше ея ощущеніями и обралилъ наши мысли къ невѣдомымъ еще сокровищамъ собственности нашего же ума и вкуса. Другой, прикрывшись невнимательностью и бездѣйствиемъ, осматривался въ каждой плоти народа, изучилъ всѣ классы людей отъ грязной черни до блестящей Царедворцевъ, высмотрѣлъ

всѣ наши слабости, недоспешки, причуды, вывѣдалъ всѣ шайны ума нашего, его оборопливости, споровку и оспроту. Про его-то иносказательные драмы должно вымолвить, что въ нихъ Русской духъ въ очахъ совершается. Произведенія Писателей сихъ довершили тошь умственній оборотъ, который получилъ начало до ихъ еще появленія. Теперь именами Карамзина и Крылова не только мы подтверждаемъ преимущество народности въ Липерапурѣ, но и самые чужестранцы, ими познавшие, что было зашено отъ нихъ въ сердцѣ Россіи.

Сопровождая движение многообразной идеи, выражаемой словомъ *народность*, мы видимъ, что ея успехи, совершенствуя гражданственность, успремлюютъ умъ націи на историческое изученіе всѣхъ частей Государства. Не удивительно, что въ явленіяхъ нынѣшней Липералпурѣ нашей мы ежедневно вспрѣчаемъ болѣе или менѣе счастливыхъ покушенія на элпомъ же поприщѣ. Но посреди сихъ разнородныхъ и разнообразныхъ опытовъ, какой колосъ воздвигнутъ неупомимою дѣятельностію всеобъемлющаго Ума! Гдѣ самая вѣрная и самая поучительная Исторія Государства, какъ не въ картина постепенного развитія силъ, воли и дѣяній Правительства въ отношеніи къ нації? Какой же представляется подвигъ тому, кто бы вздумалъ всѣ мелкія, разбросанныя, исчезающія и разновидныя черпны сіи собратья, устроить, согласить и оживить! Государь обширѣйшей въ свѣтѣ Монархіи, напутствующий Своими соѣдѣніями Вождей, вѣспниковъ Его славы и справедливости, разрѣшалъ шажкія недоумѣнія сильнѣйшихъ Владыкъ

Европы, приемлемъ въ собственное Свое вѣдѣніе эпомъ новый, по видимому безконечный прудъ, и къ удивленію склонъ, къ счастію Своихъ подданыхъ совершаешь его въ единое птицѣлѣ. Здѣсь, въ этой совокупности нашихъ Законовъ, гдѣ каждый день, каждый часъ запечатлѣнъ идеемъ Того, Кто движелъ всѣ пружины и напрягаемъ всѣ нравственныхъ силы націи, здѣсь вполнѣ будеять поспиритуна наша Исторія, а съ нею и самая народность.

Въ то время, какъ, по Высочайшей волѣ прозорливаго МОНАРХА, пушеводищемъ и судіею нашимъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія явился Мужъ, столь же высоко образованный, какъ и ревностныи Папріопъ, его первое слово къ намъ было: *народность*. Въ этихъ звукахъ мы прочитали самые священные свои обязанности. Мы поняли, что успѣхи отечественной Исторіи, отечественного Законодательства, отечественной Литературы, однимъ словомъ: всего, что прямо ведено чловѣка къ его гражданскому назначению, должны быть у насъ всегда на сердцѣ. Дѣйствовать въ этомъ духѣ такъ легко, такъ оправдано, такъ естественно, что безъ сомнѣнія въ Лѣпописахъ Ученыхъ Обществъ не было еще ни одного указанія, по которому бы съ такимъ единодушiemъ и съ такимъ самоотверженiemъ соединились всѣ, какъ соединяемся мы по слову нашего Вождя въ обѣппованную землю испинной образованности.
